

УДК 94(47)

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)**

О.Л. Сумарокова, И.В. Кузнецова

Исследована эволюция патриотического сознания российских граждан в переломные моменты отечественной истории в XVIII – начале XX в. Изучен вклад православного духовенства в формирование патриотического сознания в период Отечественной войны 1812 г.

Ключевые слова: патриотизм; Отечественная война 1812 года; православное духовенство; теория официальной народности; славянофильство; западничество.

**THE ROLE OF THE ORTHODOX CLERGY AND CIVIL SOCIETY
IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN PATRIOTIC CONSCIOUSNESS
IN THE NEW AGE (18-THE BEGINNING OF 20 CENTURIES)**

O.L. Sumarokova, I.V. Kuznetsova

The article examines the evolution of Patriotic consciousness of Russian citizens in the crucial moments of Russian history in the 18th – the beginning of the 20th centuries; studies the contribution of Orthodox clergy to the formation of Patriotic consciousness during the Patriotic war of 1812.

Keywords: patriotism; Patriotic war of 1812; Orthodox clergy; “the theory of the official nation”; Slavophilism; Westernism.

На фоне подъема военно-патриотической культуры во времена правления Петра I в армии и флоте патриотизм в российском гражданском обществе стал испытывать кризис. Своей кульминации он достиг накануне Отечественной войны 1812 г. Дворянство, отколотое от народа в результате реформ Петра Великого, в качестве “родных” усваивало французский язык, культуру и западноевропейское платье. Это неминуемо вело к зарождению национализма в России, особую роль в формировании которого сыграла “русская партия”. Одному из ее ярких представителей Ф.В. Растопчину принадлежит известный памфлет “Мысли вслух на красном крыльце” (1807 г.), написанный в форме монолога приверженца традиционных русских ценностей старого дворянина Силы Андреевича Богатырева. “Чему детей нынче учат! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всколочивать голову, – сетует автор монолога. – Тот и умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают?” [1].

“Русская русофобия” представлялась яркому представителю “русской партии”, истинному русскому патриоту адмиралу А.С. Шишкову тяжелой духовной болезнью, поразившей русское дворянство и являвшейся следствием вытеснения национального воспитания. “Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, – писал он, – прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи...” [2, с. 5–7].

С началом наполеоновских войн осознание это становилось еще более горьким. Однако духовный кризис в дворянской среде все же не помешал патриотическому подъему. Спустя 12 дней со дня оглашения манифеста “О вступлении неприятеля в пределы России” [3, с. 5], 18 июля 1812 г., в “Высочайшем манифесте о составлении внутреннего временного ополчения” сообщалось о том, что во всех сословиях и состояниях была проявлена такая ревность и усердие, что предлагаемые добровольно приношения далеко превосходят необходимое для ополчения число людей [3, с. 8].

Основным институтом в Российской империи, продолжавшим упорную борьбу за формирование смысложизненных ценностей русского народа, к началу XIX в. по-прежнему оставалась Русская Православная Церковь, чьи служители в самые драматические моменты русской истории живым словом и личным жертвенным подвигом возрождали ослабевавшие чувства любви к своей земле. Героизм и самоотверженность проявляли служители православного культа не только в тылу, но и на полях сражений Отечественной войны. История хранит имя священника Василия Васильковского – первого в России и единственного из пяти тысяч полковых священнослужителей награжденного Александром I орденом Святого Георгия 4-го класса за мужество, проявленное в боях с армией Наполеоновской Франции. Впервые молодой священник проявил себя 15 июля 1812 г. в сражении под Витебском на берегу реки Лучеса. Находясь впереди войска с крестом, священник благословил полк и на протяжении всего сражения исповедовал на поле сражения тяжелораненых. Несмотря на полученную рану лица от рикошета ядра, он исполнял свой долг до тех пор, пока пуля не попала в его нательный крест, контузив его. Заговорить о Василии Васильковском заставил еще один подвиг, совершенный им в бою под Малоярославцем. Находясь впереди полка с крестом, священник призывал поражать врага и умирать бесстрашно “за веру и государя” [4].

Стоит отметить, что феномен “военного духовенства” появился в России еще во времена царствования Алексея Михайловича. Однако формирование собственно ведомства военного духовенства относится к годам правления Петра I. Его основной задачей являлось удовлетворение религиозных чувств воинов через совершение богослужений и треб, а также вдохновение православного русского воинства, руководство его духовно-нравственной жизнью [5, с. 34]. В составленном протоиреем Г.И. Мансветовым накануне Отечественной войны 1812 г. “Сборнике кратких христианских поучений к воинам” (1812 г.) говорилось о том, что неустрашимость воина в твердости его духа, с которой он “по гласу царя и его военачальников, спокойно идет на все опасности, дабы одолением врага даровать мир Отечеству” [6, с. 7].

Христианское воспитание воина начиналось с принятия присяги, которая осуществлялась в присутствии священника под сенью полкового знамени с изображением герба России – двуглавого орла, головы которого венчала императорская корона с крестом на ее верху, на груди орла помещалось изображение святого Георгия Побе-

доносца. Историк Л.В. Мельникова отмечает, что “христианские символы являлись выражением веры православных воинов в Бога и надежды на Его всеильную помощь” [5, с. 33]. “Молись Богу! От Него победа. Чудо богатыри, Бог нас водит, Он нам генерал”, – такими словами настраивал на бой своих солдат А.В. Суворов [7].

Победа в Отечественной войне 1812 г., однако, нисколько не умаляла необходимости формирования новой концепции патриотического воспитания и образования, обнаруженная после подавления в 1826 г. восстания декабристов, среди которых более ста человек являлись участниками Отечественной войны, а более 65 человек – героями Бородинского сражения. К поиску новых путей развития обязывала революционная ситуация, сложившаяся в Европе в первой трети XIX в., а также необходимость определения способов сосуществования с Западным миром.

В попытках укрепить и сохранить самодержавие, с одной стороны, и уступить “духу времени” – с другой, была сформулирована новая политическая патриотическая идеология – “Теория официальной народности”, основывавшаяся на триединстве “самодержавие – православие – народность”. Впервые она была озвучена в 1833 г. графом С.С. Уваровым в специальном докладе, носившем название “О некоторых общих началах, могущих служить руководством при укреплении Министерства”. “Без любви к Вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть, – комментировал он, – ослабить в них Веру – то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце... Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. ... Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном началами камне... Наряду с сими двумя национальными, находится и третья, не менее важное, не менее сильное: Народность. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее” [8, с. 70–71].

В каждую из составляющих триады Уваров вкладывал свой собственный смысл, существенно искаженный его современниками. К примеру, в православии политик видел не только культурное основание в развитии русского народа, но и “нравственную рамку” для самодержавия. Самодержавие Уваров считал основным политическим условием существования России, однако идеальным ему представлялось поступательное движение от абсолютной монархии к парламентскому государству. Что касается народности, то тут Уваров следовал общеромантическому принципу XIX в. –

необходимости сохранения уникальности культуры народа, но и выявлению обусловленности ее универсальной мировой культурой. Был у уваровской народности и политический подтекст – формирование чувства единства и сплоченности, независимо от сословности. Как утверждает д-р ист. наук, проф. А. Зубов, “если бы глубже был усвоен урок уваровской “народности”, быть может, смогли взаимными уступками воссоединиться высшие с низшими в России, и не дошли бы мы до безумия многомиллионного братоубийства в XX веке” [9].

Обнаруживала уваровская программа, кроме того, одно слабое звено – акцент на православии. Россия конца XIX в. уже не являлась столь высоко духовной православной державой, какой была в прежние времена: на протяжении века во всех слоях российского общества усиливался процесс дехристианизации и тесно связанного с ней “религиозного индифферентизма”, что было обусловлено народным недовольством церковью, а конкретнее – ее слитностью с государственным аппаратом; в среде русской интеллигенции распространялись идеи атеизма и “нового религиозного сознания”.

Тем временем неудовлетворенность теорией официальной народности в обществе росла, обозначившись двумя ключевыми противоборствующими либеральными течениями – славянофильством и западничеством. И те и другие вырабатывали собственные основания патриотизма, внося огромный вклад в процесс его теоретизации. И те и другие называли себя истинными патриотами России, однако различными видели пути ее развития. “Да, мы были противниками их (славянофилов. – *О.С., И.К.*), но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинакая, – признавал Герцен. – У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество, – чувство безграничное, охватывающее все существование любви к русскому народу, русскому быту, русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны в то время, как сердце билось одно” [10, с. 152–153].

Полемика западников и славянофилов во многом способствовала становлению революционно-демократического и либерально-оппозиционного течений, в рамках которых стали вызревать конкурентные с общегосударственной патриотические политические идеологии, рассматривавшие в качестве идеального способа организации государственной политической жизни демократию и элитократию.

На фоне революционных настроений в начале XX в., когда за плечами остался насыщенный

драматическими событиями исторический отрезок времени, Россия оказалась перед лицом военной угрозы. Высочайший Манифест от 20 июня (по старому стилю) 1914 г. об объявлении Германией войны России вызвал своего рода последний “рецидив” чувства единения российского народа и власти в имперский период, одновременно став точкой отсчета скатывания империи в революционную пропасть. “Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри, – призывал он. – Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человекъ, дерзкій натискъ врага” [11, с. 4].

Обращение вызвало в народе огромное воодушевление. Французский посол в России Морис Палеолог – единственный иностранец, приглашенный в Зимний дворец на оглашение Манифеста как представитель союзной державы, с волнением вспоминал: “Император появляется на балконе. Мгновенно все опускаются на колени и поют русский гимн. В эту минуту для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел” [12, с. 57–58].

Ключевым фактором, вызвавшим патриотический подъем в России, стал синтез мотивов участия России в войне: во-первых, защита интересов своей страны, во-вторых, близкая русскому народу мессианская идея, идея спасительной роли России в мировой истории – в основе пропагандистской риторики о смысле войны лежали идеи панславизма. “Мужайся, русский народ! – звучали призывы со страниц газет. – В великий час ты стоишь грудью за сонм славянских народов, измученных, задавленных и частью стертых с лица земли тевтонским натиском, который длится уже века” [13, с. 256–257].

При этом генерал А.А. Брусилов писал в своих воспоминаниях: “Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя” [14, с. 70–71]. Но воевать все же шли, шли с мыслью “нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим” [15, с. 240].

Патриотический подъем, коснувшийся большей части представителей политической эли-

ты, вселял искреннюю надежду на примирение оппонентов и конструктивное сотрудничество общества и власти хотя бы на время войны. Об этом было официально заявлено на экстренном заседании Государственной думы 26 июля (по старому стилю) 1914 г. лидерами многих партий, в том числе кадетом П.Н. Милюковым, трудовиком А.Ф. Керенским. Однако с течением времени полученный царем от народа кредит доверия так и не был оправдан: не было сделано ни одного шага в направлении либерализации общественно-политического строя России. “Русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет” [16, с. 14] (окончания войны. – О.С., И.К.), – заблуждался император. Это обстоятельство, а также переход России с конца 1915 г. “к вялотекущей войне на истощение” [17, с. 66] и экономические трудности стремительно снижали градус патриотического накала, сменявшегося апатией, одновременно вызывая оппозиционные и даже революционные настроения.

Патриотическая пропаганда все же продолжалась. Ее основным инструментом был известный и весьма популярный сегодня прием – отвлечение от истинных проблем путем актуализации образа внутреннего врага. “Шпионы”, “немецкое засилье”, “темные силы” – комплекс этих политических мифов циркулировал в обществе, принимая в общественном сознании весьма причудливые формы, лишь повышающие тревожность общества и подрывающие авторитет царской власти.

Подводя итоги, следует отметить, что программно-политический уровень всех трех государственных идеологий, существовавших в истории досоветской России – “Москва – третий Рим”, “Общего блага” и “Теория официальной народности” – предписывал российским подданным заботиться о сохранении и укреплении российского самодержавия. С отчуждением национальной идеи от правящих “верхов”, с потерей императором сакрального статуса и, таким образом, с утратой ключевой составляющей всех трех политических патриотических идеологий – самодержавия – в российском обществе все больше актуализировались вопросы будущего России и ее исторического предназначения в связи с новыми ценностными ориентирами. Появление к началу XX в. альтернативных государственных многочисленных патриотических политических концепций, “бесперспективность и недееспособность” старого режима, а также социально-политическая обстановка, сложившаяся в стране за годы Первой мировой войны, лишь обострили раскол в российском социуме, свидетельствуя о грядущих качественных изменениях

в патриотической политической психологии общества, оказавшегося трагически расколотым на двое. Поиски методов выхода из национального кризиса позже лягут в основу концепции “социалистического патриотизма”, который, несмотря на утрату православной составляющей, станет эффективным инструментом укрепления единства Советского Союза и залогом победы в Великой Отечественной войне.

Литература

1. “С Богом, верой и штыком!” Отечественная война 1812 года в мемуарах, документах и художественных произведениях. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1034412/S_Vogom_vero_y_i_shtykom.html (дата обращения: 21.02.2016).
2. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка / А.С. Шишков // Собрание сочинений и переводов. Ч. 2. СПб.: тип. Имп. рос. акад, 1824. 471 с.
3. Драницын Н.И. Нижегородская губерния в 1812 году: материалы по истории Нижегородского края / Н.И. Драницын. Н. Новгород, 1916. 28 с.
4. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь / Л.В. Мельникова; Московская епархия Русской Православной Церкви. URL: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/62/1220/> (дата обращения: 15.10.2016).
5. Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года / Л.В. Мельникова. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 239 с.
6. Мансветов Г.И. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове / Г.И. Мансветов. 3-е изд. СПб., 1828. 38 с.
7. Марков Г.А. Суворов и православие / Г.А. Марков // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2016/04/13/823> (дата обращения: 5.11.2016).
8. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак, 1995.
9. Зубов А. Граф “православие, самодержавие, народность”. О знаменитой триаде и ее авторе С.С. Уварове / А. Зубов // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/05/51309-graf-171-pravoslavie-samoderzhavie-narodnost-187> (дата обращения: 12.11.2016).

10. *Смирнов В.Д.* Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность / В.Д. Смирнов. М.: Директ-Медиа, 2015. 169 с.
11. *Летопись войны 1914 года* / под ред. Д. Дубенского. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. № 1. 24 с.
12. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны / М. Палеолог; пер. с фр. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991. 240 с.
13. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Т. 11. Последние листья. М.: Республика, 2000. 382 с.
14. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания / А. А. Брусилов; предисл. П.А. Жилина. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
15. *Яхимович З.П.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) / З.П. Яхимович // Первая мировая война. Пролог XX века / отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998.
16. *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых / Г.З. Иоффе. М.: Республика, 1992. 351 с.
17. *Тютюкин С.В.* Последний шанс императорской России / С.В. Тютюкин // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие. М., 1999.